

УДК 821.161.1.09-3-2-225+929[Андреев+Буренин]

Пародии В. П. Буренина в антисемитском дискурсе начала XX века

Г. Н. Боева

Боева Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, g_boeva@rambler.ru

В статье исследуются пародии В. П. Буренина на пьесы и прозу Леонида Андреева первых двух десятилетий XX в. Вскрывается механизм отождествления критиком литературного модернизма и «порчи» языка русско-еврейскими писателями. Объясняется, почему русский писатель Леонид Андреев в буренинских пародиях развенчивается как воплощение «жидовства» в литературе начала века.

Ключевые слова: В. П. Буренин, Леонид Андреев, антисемитизм, пародии, рецепция, литературная репутация.

V. P. Burenin's Parodies in the Anti-Semitic Discourse of the Beginning of the 20th Century

G. N. Boeva

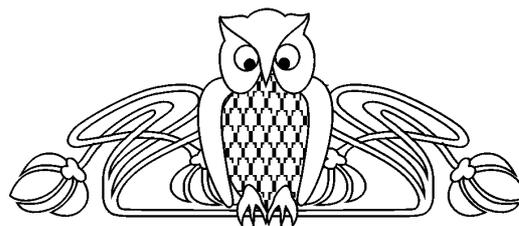
Galina N. Boeva, <https://orcid.org/0000-0002-6021-3687>, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 18 B. Morskaya St., St. Petersburg 191186, Russia, g_boeva@rambler.ru

The article explores V. P. Burenin's parodies of plays and prose by Leonid Andreev in the first two decades of the 20th century. The article lays bare the mechanism of Burenin's identifying literary modernism with the 'corruption' of the Russian language by Jewish Russian writers. The author of the article elucidates why the Russian writer Leonid Andreev is dethroned in Burenin's parodies as a manifestation of 'kikeness' in the literature of the beginning of the century.

Keywords: V. P. Burenin, Leonid Andreev, anti-Semitism, parodies, reception, literary reputation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-331-335>

В ноябре 2017 г. в Москве Всероссийский съезд в защиту прав человека учредил антипремию Ю. Штрейхера – «юдофоба № 1» в третьем рейхе, личности патологической даже на фоне приближенных фюрера. Антипремию эту предполагается вручать «представителю российских СМИ, внесшему наибольший вклад в атмосферу ненависти и лжи»¹. По сути, эта премия – «бу-кет» из нескольких антипремий, чей вклад в нагнетание атмосферы клеветы и нетерпимости в современном российском социуме особенно впечатляет. Антипремия не нацелена на специальное «чувствование» антисемитов, да и само слово «антисемитизм» там не фигурирует: она направлена против лживости СМИ, цензуры, разжигания ненависти. Однако очевидно, что сам выбор

«антибренда» в лице Штрейхера предполагает в том числе и борьбу с антисемитизмом. Вторая номинация в рамках антипремии связана с тоже одиозной в контексте российского «еврейского вопроса» фигурой – В. П. Бурениным (1841–1926), литературным критиком, публицистом, сатириком.

Литературная деятельность Виктора Петровича Буренина, длиною более полувека, началась еще в середине XIX столетия – сначала в журналах «Искра» и «Зритель», затем – в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Он был поистине «человеком-оркестром», работая чуть ли не во всех родах и жанрах словесности: писал критические статьи, пародии, фельетоны, прозу, переводил, сочинял сатирические стихи и поэмы. Нас будет интересовать тот период его деятельности, который связан со временем его сотрудничества с газетой «Новое время» (1868–1917). Сама газета, возглавляемая А. С. Сувориным, тоже имела неоднозначную репутацию: с одной стороны, ее по праву можно считать первой «газетой-империей», сумевшей организовать свою работу по европейскому типу и привлечь к сотрудничеству высококлассных профессионалов (например начинающего фельетониста А. П. Чехова), с другой – она приобрела славу сервильной, беспринципной, безнравственной, «черносотенной» по духу. Сам Суворин тоже отличался антисемитскими взглядами, и дело Дрейфуса, в отношении к которому газета заняла дремуче-реакционную позицию, окончательно отвратила Чехова и многих других либеральных литераторов от этого органа печати. Персонаж нашей статьи, Буренин, известен и своими антидрейфусовскими публикациями на страницах газеты, но нас будут интересовать его пародии, посвященные произведениям Леонида Андреева и датированные 1907–1912 гг.

Критический метод Буренина, восходящий к эстетике Д. И. Писарева, с одной стороны, ориентировался на вкусы и запросы массового читателя и отражал штампы массового культурного сознания той поры, а с другой – своеобразно преломлял собственные общественные и эстетические установки критика. Хотя Буренин позиционировал себя как политически неангажированного критика, его социально-политические взгляды, явленные в литературной продукции, не могут быть расценены иначе, как крайне реакционные и антисемитские. Главная социальная ценность искусства, с точки зрения Буренина, –

его общедоступность и ориентация на интересы «среднего человека»: критик был в числе «пионеров» журналистики, ориентированной на интересы и запросы массового читателя².

В списке «жертв» Буренина к началу века значилось уже немало имен – Н. М. Каткова, А. А. Краевского, М. М. Стасюлевича, Н. К. Михайловского, С. Я. Надсона (смерть последнего даже связывалась с оскорбительными выпадами критика в адрес умирающего поэта). «Фирменный стиль» Буренина предполагал смесь из провокационности, «перехода на личности», откровенной брани в адрес героев своих опусов, установки на литературный скандал³ и абсолютного пренебрежения социально-нравственными табу.

К началу века Буренин сконцентрировал свою критическую злость на модернистской/ декадентской литературе: Бальмонте, Блоке, Гиппиус, Сологубе, Брюсове и других поэтах-символистах. Таким он предстает в знаменитой эпиграмме Д. Минаева: «По Невскому бежит собака, / За ней Буренин, тих и мил... / Городовой, смотри, однако, / Чтоб он ее не укусил»⁴. Однако «пародической личностью» (в тыняновском смысле) для Буренина стал Леонид Андреев, против которого с начала 1900-х гг. он буквально пошел «крестовым походом»: чуть ли не на каждую новинку Андреева критик реагирует в том или ином жанре – иногда в нескольких одновременно. Андреев станет для нововременского критика воплощением всех модернистских грехов, осуждаемых с позиции классической традиции, столь бесспорной для идеального «массового человека». Известно, что Буренин просил похоронить его с томиком Пушкина в руках. Вряд ли его завещание было осуществлено, поскольку в последние годы он был заброшенным нищим стариком, жившим на пособие, которое выхлопотал у властей некогда гонимый им Горький. Оставляя как за скобками вопрос, почему именно Андреев стал главной «жертвой» буренинских нападок – полагаем, в силу своего статуса модного писателя (т. е. идеальный объект развенчания в глазах масс) и узнаваемости стиля (пародия предполагает прежде всего овладение приемом, и андреевский прием был наглядно ощутим и легко воспроизводим).

Важно отметить, что Буренин был в своих пародиях талантлив, да и вообще эстетически и литературно одарен – это признавали и Суворин, и Салтыков-Щедрин, и Достоевский, и многие другие весьма достойные современники критика.

Нам предстоит постигнуть некий парадокс: Леонид Андреев, русский писатель, не имеющий никакого отношения к русско-еврейской литературе (кроме естественного влияния на нее «андреевского стиля»), поскольку писатель входил в современный «литературный канон» и был ориентиром для многих русско-еврейских писателей⁵), становится в глазах Буренина не только главным эстетическим врагом, ответственным за

все «грехи» «модерн-литературы», но и «жидовским писателем», наряду с русско-еврейскими литераторами (Д. Айзманом, С. Юшкевичем и др.). Напомним, что подобным приемом Буренин пользовался и тогда, когда травил С. Надсона, но тот все же был сыном еврея⁶. Здесь же происходит некая аберрация, требующая историко-культурного комментария и толкования.

Первой в числе пародийных пьес по мотивам андреевских стала «Жизнь Дурака-модерн: Траги-пародийное представление в стиле “нуво”»⁷, подписанная одним из постоянных псевдонимов Буренина – Алексис Жасминов. Структура буренинского опуса ориентирована на текст-оригинал: «представление» состоит из картин, соответствующих картинам «Жизни Человека» («Рождение Дурака-модерн» и т. п.). Пародия последовательно построена на приеме травестии: действие происходит в сумасшедшем доме и в доме Дурака-модерн (описание дома недвусмысленно намекает на дачу Андреева на Черной речке, в Финляндии).

На протяжении всей пародии рассеяны выпады против «жидов» (слово это, разумеется, в прессе начала века уже расценивалось как отклонение от литературной нормы), уродующих русскую речь и пишущих «глупо-жидовские» произведения: обильно цитируется проза Д. Айзмана (в частности «Сердце бытия»), сочиняющего «еще глупее, чем Леонид Андреев»⁸. Пародийным двойником андреевского Некто в сером выступает персонаж в национальной еврейской одежде – «Некто в засаленном лапсердаке цвета стен желтого дома и в такой же ермолке»⁹.

Буренин применяет здесь свой излюбленный прием – буквальную цитацию. Фразы, вырванные из контекста, своей взвинченной, экспрессивной стилистикой производят комический эффект:

– ...Вот из Леонида Андреева: «Прелестная женщина целует меня в губы... Зубы у ней, как у крокодила. Она хочет укусить меня. Прочь, шлюха!

– Я не шлюха. Я старая беременная змея. Уже целый час смотрю я, как из моей утробы выходят маленькие змейки и ползают. Эй, не раздавите змееныша.

– У меня под черепом ползают тараканы.

– Мой мозг похож на скверный сыр.

<...>

– Это хорошо. Но Айзман сочинил бы еще лучше. Айзман сказал бы, что из утробы женщины выходят калоши, сапоги и подушки, наполненные еврейскими вздохами.

– А под черепом у него бы заползали не тараканы, а мокрицы, каракатицы, крысы, жабы и крокодилы.

– А мозг у него был бы похож не на скверный сыр, а на тухлое яйцо»¹⁰.

«У Айзмана жидовское воображение, а у Андреева еще только полужидовское. <...> В конце концов, однако они стоят друг друга – Андреев и Айзман»¹¹, – подытоживает пародист.

Пародия эта, открывая «антиандреевскую кампанию», абсолютно вписывается и в другую, антисемитскую «кампанию», которую Буренин много лет уже ведет в рамках общей политики «Нового времени». Во всех опусах, развенчивающих Андреева, рассеяны выпады против него как носителя «жидовского жаргона»¹² и проводятся параллели между его творчеством и русско-еврейской («жидовской») литературой.

Образ еврея (многострадального еврея, угнетаемого еврея, еврея дискриминируемого), появившийся в русской литературе на волне реализма еще у Пушкина и Гоголя, как отсылка к действительности, некий социальный штрих, к началу XX в., времени погромов и обострения еврейского вопроса, по-прежнему частотен. В качестве фона для буренинских пародий возьмем пародии (или, точнее сказать, перепевы) на ту же «Жизнь Человека». Так, Влад. Азов публикует «Жизнь русского человека» – крайне политизированный памфлет, правда, либерального толка¹³. Примечательны реплики старух в Прологе перед рождением Русского человека, отсылающие к «еврейскому вопросу»:

«– Кажется, закричала наша роженица?

– Нет, это закричал на улице еврей»¹⁴.

Отсылает к «еврейскому вопросу» и пародия О. Л. Д'Ора, в которой «перепевается» только последний акт андреевской пьесы: замечание «Пахнет гнилью» у смертного одра Человека вызывает вопрос, не связан ли неприятный запах с появлением у постели умирающего Суворина – намек на реакционное «Новое время»¹⁵.

Как видим, позиции авторов приведенных перепевов противоположны буренинской, и на фоне их «Жизнь Дурака-модерн», несмотря на очевидную талантливость по форме, по содержанию – откровенное антисемитское высказывание. Делая андреевского Некто в сером «жидом», критик весьма последовательно развенчивал автора сразу в двух направлениях – и как своего эстетического противника, осквернителя русской речи, и как врага политического. «Представление», таким образом, выступает одновременно и как пародия, и как политический памфлет, даже пасквиль, учитывая его реакционный и антисемитский дух.

Антисемитские выпады обнаружим и в других буренинских пародиях – на пьесы Андреева «Жизнь Человека», «Анатэма», «Екатерина Ивановна», «Профессор Сторицын», роман «Сашка Жегулев».

Особое место среди них занимает пьеса «Калоши на головах»¹⁶, направленная против ненавистного Буренину модерн-искусства. Действие этого «балаганно-лубочного леонидо-андреевского представления для взрослых хронических идиотов» (таков подзаголовок пьесы) происходит в чухонском сумасшедшем доме в Куоккальском герцогстве, опять прозрачно намекающем на дом Андреева в Финляндии. Хозяин дома – Леонидо

Идиотто, герцог ди Куокало. Уже в ремарках мы узнаем о неких «харитонах» – слугах, которыми, как поясняет автор в ссылке, «называются вообще редакторы жидовских газет; название сие присвоено им в честь г. Харитона, редактора «Бако-Милуковско-Гессенской Речи»¹⁷. Именно им Леонидо Идиотто заказывает выпивку – и тут же спуют «сотрудники жидовских распивочно-политических листков»¹⁸.

Гости куоккальского дома – известные поэты-модернисты, весьма прозрачно зашифрованные: Бальмонто Ахинео, Донна Кретина, графиня ди Чепухитта, синьор Саллоглуппо, придворные поэты Андрео Белогорячио и Блюкио.

Приведем образчик «декадентской стряпни», талантливо стилизованной Бурениным. Так, Бальмонто Ахинео читает свои стихи:

Считай четою с светлостью прозрачность
И красность с желтностью в башмачности сапог,
Пиджачность то же, что жилетность, фракность,
И с панталонностью у них единый Рок.

Но глупность что? А то же, что дурачность.
Без горбности горбатность не порок.
Задачность в том: бездарья неудачность
Иметь должна проглядность между строк.

Писачность перейти должна в кривлякность,
В зигзажность беспрерывную макак.
Поэзия есть высшая макакность.

Так будь, поэт, макакою! Но как?
А так, что, бросив смысловость и условность,
Впади скорей в жаргонную жидовность¹⁹.

Как видим, здесь ясно обозначается мишень – «жидовский жаргон», на котором пишут гости герцога Идиотто (надо ли говорить о том, что под этими персонажами подразумеваются русские поэты Бальмонт, Сологуб, Блок, Белый, Гиппиус и др.). Бальмонто Ахинео далее прямо заявляет, что он пишет «в жаргонно-жидовском жанре»; упоминается о «мейерхольдовско-теляковских мелодиях в новожидовском тоне», о «жидовских плясках»:

Мы нарядимся шутами
В черных, в желтых, в красных масках
И в куоккальском Бедламе
Закружим в жидовских плясках²⁰.

«Семь горбатых старух», секущих синьора Саллоглуппо, хихикают: «А мы “Венеру в мехах” Захер-Мазоха, переведенную жидами, с Федором Сологубом вместе штудировали»²¹.

Называя язык Андреева «жидовским жаргоном» и отказывая пародируемым произведениям в праве на нормативность, включенность в уважаемую критиком классическую традицию, Бу-

ренин, тем не менее, обнаруживает и эстетическое чутье, и незаурядный дар стилизатора. Так, в пародии на «Анатэму», названной «Анафема: Леонидо-андреевская бедлама в одной картине», критик характеризует речь своего персонажа как набор «бессмысленно-нелепых фраз, вроде: “черный свет”, “сухая вода”, “жидкий камень” и т. п.»²², нарочитой оксюморонностью стилизуя непривычную мотивированность эпитетов и прихотливость лексических связей у Андреева. В сущности, объект осмеяния здесь шире, чем поэтика Андреева: обнажая приемы модернистского словотворчества, Буренин явно идет вслед за Вл. Соловьевым и пародирует «поэзию в новом вкусе».

В «Театральных аттракционах» Буренина обнаружим пародию на андреевскую пьесу «Профессор Сторицын» – под названием «Писатель Оглупеев». Диагноз, который ставит здесь новейшему искусству Буренин, тоже окрашен антисемитизмом:

Искривлены четыре позвонка,
Поставлены лопатки скверно,
И в общем – пакостный скелет
В жидовском стиле русского модерна...²³

Верен избранным стратегиям Буренин и в пародии на роман Андреева «Сашка Жегулев», выполненной в стиле разбойничьего лубка и названной «Стенька Кистень, или Гимназист-разбойник. Лубочно-красный роман в 2-х частях» (за подписью Эраста Пузыря – еще одной литературной маски критика)²⁴. По логике автора опуса, не кто иной, как Андреев, является вдохновителем беспорядков и терроризма, и в таком случае пародия действительно может быть расценена как «доносительная»²⁵. Однако важно подчеркнуть, что и здесь памфлетность Буренина абсолютно антисемитского толка: действие в пародии происходит в городе Жидовске, главный герой, ставший разбойником, сын Хайи Зодиаковны Грифель, а его ближайший помощник, Мордарий Маузерович, прямо отнесен к «типу недавней жидовско-хулиганской революции»²⁶. Таким образом, и здесь Леонид Андреев развенчивается как идеолог «жидовства» и пародия предстает частью буренинского идейного антисемитизма.

Очевидно, что буренинская аберрация имеет не только личные причины (совмещение лично ему ненавистных явлений в литературно-общественной жизни начала века), но и объективные. А именно проявившиеся в литературе начала XX в. стилевые тенденции, которые отдельные русские критики и литераторы связывали с приходом в русскую литературу «южного» влияния одесситов – талантливых критиков, писателей, публицистов (В. Жаботинский, К. Чуковский и др.) – и рассматривали как «порчу» языка и культурной традиции²⁷. Кроме того, Буренин, опыт-

ный журналист и фельетонист, делающий ставку на массовое искусство, интуитивно чувствовал, что запросы массового читателя не исключают установку на антисемитизм, имеющий в своей основе некий стадный, массовый инстинкт.

Антисемитизм Буренина, в свою очередь, тоже стал объектом пародии. Так, в «Моем копите» у Е. Венского читаем: «Раньше были в литературе хоть просто гады, а теперь жида напоззло!! Со всего света сошелся жид на русскую литературу, испоганил, облевал, осрамил. Иной, где-нибудь в Бердичеве или Шклове портным был и хорошим портным, и вдруг теперь такие романы пишет, что индо мороз по жилам. Другой ночную посуду в Одессе лудил, а теперь сам очень хорошую газету издает. То, что раньше считалось единицами, в роде Надсона, – теперь считайте миллионами. Жид, жид, жид... Андреев, Горький, Юшкевич, Фруг, Якубович, Амфитеатров... Прислали книгу для отзыва. Автор несомненный жид: Ауслендер. И манера письма у него жидовская, и заглавия жидовские, и темы жидовские»²⁸.

Сам Буренин прекрасно осознавал антисемитскую составляющую своего критического яда: в его «автопортрете», драматической картине «Раскаяние Буренина Грозного», он окружен своими жертвами, среди которых «Тени еврейских поэтов»²⁹.

Стоит ли говорить, что вследствие своего антисемитизма Буренин понес немало репутационных потерь. Несмотря на профессионализм, необычайную плодовитость и литературное долголетие, уже современники воспринимали его как живой анахронизм. Еще при жизни критика З. Н. Гиппиус так характеризует его: «Судьба его – печальная судьба непонятого неудачника. Кажется, он обладал поэтическими способностями, большим литературным вкусом и пониманием. Но почему-то осекся (еще в незапамятные времена) и навеки озлобился. Все свои способности он употребил на выработку яда, все литературное остроумие – на высмеивание, на грубый памфлет. Вот уже лет десять, как Буренин потерял глаза и зубы. <...> Злобная критика его свелась окончательно к двум словам: жид и баба. Вся литература для него разделилась на две части: с одной стороны, жида, а с другой – бабы»³⁰. По поводу этой реакции нельзя не припомнить «принципиальное исследование» О. Вейнингера «Пол и характер» (1902), чрезвычайно популярное в России начала XX в.³¹: носителями «женского» начала для австрийского философа выступают женщины (независимо от расы и национальности) и мужчины-евреи. Противопоставление Вейнингером «женского» (т. е. безнравственного) иудаизма «мужскому» христианству (глава «О еврействе») во многом послужило основой антисемитской пропаганды среди австрийских юдофобов. Не исключено, что Буренин разделял эти взгляды.

Видимо, именно репутация помешала Буренину стать предметом объективного литературоведческого исследования: несмотря на внушительные объем и литературное качество его многожанрового наследия, только недавно стали появляться диссертации, посвященные отдельным аспектам его творчества³².

Переживший свою эпоху, он вошел в литературную память именно своими антисемитскими выходками – об этом свидетельствует и ныне учрежденная номинация в рамках антипремии имени Ю. Штрейхера. Подведение ее в конце каждого года будет показывать, кто в современной отечественной журналистике и публицистике наследовал сомнительные лавры Буренина.

Примечания

- 1 Яковенко И. Антипремия имени Юлиуса Штрейхера // Демократическое сетевое сообщество. URL: <http://demset.org/f/showthread.php?p=30157> (дата обращения: 28.06.2018).
- 2 См.: Соловьева И., Шитова В. А. С. Суворин на фоне газеты. М., 2017.
- 3 См.: Шабалина Н. Литературный скандал в критике В. П. Буренина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, кн. 2. С. 145–151.
- 4 Минаев Д. <На В. П. Буренина> // Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX в. : антология. Л., 1975. С. 506.
- 5 См.: Боева Г. Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна. СПб., 2016. С. 495–518.
- 6 См.: Рейтблат А. Буренин и Надсон : как конструируется миф // НЛО. 2005. № 5 (75). С. 154–166.
- 7 См.: Жасминов Алексис, граф <В. П. Буренин>. Жизнь Дурака-модерн : Траги-пародийное представление в стиле «нуво» // Новое время. 1907. 14 (27) сент. (№ 11317). С. 4 ; 12 (25) окт. (№ 11345). С. 4.
- 8 Там же. 14 (27) сент. (№ 11317). С. 4.
- 9 Там же.
- 10 Там же. 12 (25) окт. (№ 11345). С. 4.
- 11 Там же.
- 12 См.: Буренин В. Анафема : Леонидо-андреевская бедлама в одной картине // Буренин В. П. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Пг., 1917. С. 171.
- 13 См.: Азов Влад. <В. А. Ашкинази.>. Жизнь русского человека : Представление в 5-ти неприятностях с прологом // Современное слово. 1908. 13 апр. (№ 184). С. 2.

- 14 Там же.
- 15 См.: Д'Ор О. <И. Л. Оршер>. Смерть Человека : Сочинение Леонида Андреева и мое // Современное слово. 1908. 5 апр. (№ 177). С. 2.
- 16 См.: Буренин В. Калоши на головах. Цит. по: Андреев Леонид Николаевич : Библиография. Вып. 2а : Аннотированный каталог Собрания рецензий Славянской библиотеки Хельсингского университета / сост. М. В. Козьменко. М., 2002. С. 142–151.
- 17 Там же. С. 143.
- 18 Там же.
- 19 Там же. С. 144.
- 20 Там же. С. 150.
- 21 Там же. С. 148.
- 22 Буренин В. Анафема : Леонидо-андреевская бедлама в одной картине. С. 172.
- 23 Буренин В. Писатель Оглупеев : Пьяно-драма // Буренин В. Собр. соч. : в 5 т. Т. 4. Пг., 1916. С. 152.
- 24 См.: Жасминов Алексис, граф <В. П. Буренин>. Стенька Кистень, или Гимназист-разбойник. Лубочно-красный роман в 2-х частях // Новое время. 1912. 27 янв. (№ 12887). С. 5 ; 3 февр. (№ 12894). С. 5.
- 25 См.: Иезуитова Л. Леонид Андреев и лубок // Иезуитова Л. Леонид Андреев и литература Серебряного века : Избранные труды. СПб., 2010. С. 340.
- 26 Жасминов Алексис, граф <В. П. Буренин>. Стенька Кистень, или Гимназист-разбойник. Лубочно-красный роман в 2-х частях // Новое время. 1912. 27 янв. (№ 12887). С. 5.
- 27 См.: Боева Г. Леонид Андреев в «чириковском инциденте» : реконструкция позиции // Научные труды по иудаике : материалы XVIII Междунар. ежегод. конф. по иудаике. М., 2011. С. 253–262.
- 28 Венский Е. Мое копыто. Книга великого пасквиля. СПб., 1911. С. 56.
- 29 См.: Глинский Б. В. П. Буренин // Глинский Б. Б. Среди литераторов и ученых. Пг., 1914. С. 87–88.
- 30 Гиппиус З. Книжки, читатели и писатели // Гиппиус З. Собр. соч. : в 15 т. Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916. М., 2003. URL: <http://gippius.com/doc/articles/knigi-chitateli-i-pisateli.html> (дата обращения: 28.06.2018).
- 31 См.: Берштейн Е. Трагедия пола : две заметки о русском вейнингеризме // Эротизм без берегов : сб. ст. и материалов. М., 2004. С. 64–89.
- 32 См.: Игнатова И. Литературно-критическая деятельность В. П. Буренина : генезис, эволюция, критический метод : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Образец для цитирования:

Боева Г. Н. Пародии В. П. Буренина в антисемитском дискурсе начала XX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 331–335. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-331-335>

Cite this article as:

Bueva G. N. V. P. Burenin's Parodies in the Anti-Semitic Discourse of the Beginning of the 20th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 331–335 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-331-335>